

Валерий Кацуба

ПОТЕРЯННАЯ ПЕРЧАТКА

иллюстрированный рассказ

Катя, уезжая из Петербурга, просила велосипедом ее не пользоваться. Егор обещал, однако слово не сдержал. Оправданий можно сыскать множество, почему в тот день он выехал на белом, с маленькими колесиками, складывающемся вдвое велосипеде. Одно из них в том, что велосипед этот можно было затолкнуть в лифт. И это удобно, если спешишь.

А Егор в тот день спешил. Он поздно проснулся в октябрьском северном утре Петербурга и опаздывал. Проснулся же поздно, поскольку вечером накануне был на премьере фильма «Последняя сказка Риты», который сняла Рената Литвинова и, разумеется, исполняла в нем главную роль. Фильм Егору понравился, одно только немного смущало, что фильм об уходе в мир иной молодой и трогательной в своей красоте девушки – Риты Готье – был показан в Петербурге в середине октября.

Для тех, кто никогда не был в Петербурге в середине осени следует объяснить, что город в это время года удивительно красив, но в своем увядании. И в нем, скажем так, самодостаточен и многообразен. И любое другое увядание на фоне петербургского выглядит довольно бледно, неубедительно и, скажем еще, сбивает с толку в насыщенном спектре петербургской меланхолии: затухания жизни в природе и человеческих эмоций.

Однако «Последняя сказка Риты» все ж внесла сумятицу в стройное городское увядание. Следующим днем в природе столкнулись друг с другом два атмосферных фронта, сбитые с толку «Последней сказкой». И – один с Севера, другой же с Запада – стараясь сбежать из города, безжалостно хватили уже почти лысые, склизкие, черные кроны деревьев, обрывая с них редкие листья, уничтожая так последние напоминания о цвете солнца, и бросали их на черный и опять же склизкий асфальт, прибывая косыми дождями, чтобы те не трепыхались...

Холодная влага наполняла воздух, проникала под куртки и в души горожан, заставляя думать все об одном, что заглушить эту тоску, превращавшую душу в бездонную сырую пропасть (которая бывала даже начинала нравиться в своей изощренной безысходности) возможно только опрокинув во внутрь бутылку вина, что многие из горожан, меж тем, были не в силах сделать, поскольку болели и стояли в очередях в аптеках, самых оживленных общественных местах города в такие дни, стояли и покупали один за другим самый популярный прибор в это время – прибор для измерения давления. Изо всех сил стараясь утвердить связь прыжков настроения с давлением циркулирующей в организме крови...

Вот в такой непростой осенний день и проснулся Егор, проснулся поздно и, чтобы успеть купить своей любимой подруге снотворное – подруга не на шутку лишилась сна – он схватил второпях белый катин велосипед с плоским багажником-решеткой, на котором была намотана черно-белая резинка для крепления вещей и покатил в аптеку, где, как и положено в такие дни, стояла очередь, обычно отличавшаяся молчаливой отрешенностью, но не сегодня...

Сегодня в ней, в раз за Егором, стояла молодая девушка, видимо приезжая, не знавшая традиций аптечных очередей, и непростительно оживленно разговаривала по телефону, вызывая в очереди по началу усталую раздражительность.

- Ну и вот, - говорила девушка, - мы с Леной и с воздушными шарами, которые все-таки лопнули, вышли с дня рождения и прогуливались до метро... Да, пятеро парней ну и за нами... Не знаю что хотели. Но пятеро, а мы с Леной вдвоем с шарами... Белые, матовые, красивые.. Парней пятеро, а шаров, наверное, семь... Да к метро. А они шаг ускорили и вот-вот нас догонят. Страшно... Шары отнять? Ты чего? Зачем им шары? Они уже почти Лену за руку схватили... И тут...

- Мне кардио аспирин, пожалуйста! Кардио аспирин... – повторяла покупательница перед Егором фармацевту, летавшему, по-видимому, в сером небе с белыми матовыми шарами и с Леной, как, в общем-то уже и вся очередь. Включая и даму с кардио аспирином, которая получив лекарство, чуть отойдя от аптечного окошка, остановилась и замерла словно в нерешительности. Девушка меж тем продолжала:

- ... И тут перед нами на светофоре притормозил белый Мерседес. Что значит в тон? В тон шаров? Ну да, только блестящий. Мы с Леной к нему. Представляешь, задняя дверь не закрыта на замок. Мы ее открываем, быстро в машину, дверь хлоп... Вот только шары прищемили... Лопнули они... Все лопнули, да еще с таким треском: “Бум! Бум!!!” Очередь вздрогнула. Девушка положила телефон в карман и строго посмотрела на Егора:

- Ну берите же! Не задерживайте!

Егор, стоявший уже у аптечного окошка, очнулся и попросил:

- Мне что-нибудь для сна, пожалуйста.

- Для сна очень хвалят сбор травяной из мелиссы, пустырника и валерианы, который называется «Сонник», - ответила фармацевт, все еще поглядывая на девушку.

- Он лучше, чем только пустырник?

- Гораздо лучше, Его все хвалят.

- Хвалят потому что удалось уснуть?

- А почему же еще хвалят? Да, те кто купил, те уснули.

Егор взял сбор и направился в выходу. Но вдруг остановился, повернулся к девушке и спросил:

- Простите, а где это все с Вами случилось.

- Что все?

- Ну с шарами..?

- Здесь. В самом центре города. Представляете! В самом центре! – ответила девушка, затем вдруг строго посмотрела на Егора и возмутилась:

- А Вы что? Все подслушивали?!?!

Егор вышел из аптеки, положит «Сонник» в карман и поспешил к подруге, которая все еще гуляла в городском саду, но вот-вот должна была вернуться домой. Егору нужно было успеть и перехватить ее по пути из сада к дому.

Он поднажал на педали и маленькие колесики быстро закрутились и он бы успел... Однако на перекрестке двух пустынных улиц старой части города, куда подъехал Егор, на пешеходный переход вышел мужчина с авоськой. Вышел тогда, когда косой дождь превратился в разбрызганную, словно из пульверизатора, и повисшую в воздухе, не опускаясь на землю, влагу. Вышел, дошел до середины дороги и вдруг, содрогнувшись всем телом, рухнул на мокрый асфальт, скрючившись и продолжая дрожать. Рядом, болезненно просвистев, притормозила машина. В паре метров всего. Остановился и Егор. «Скорую, нужно вызвать скорую,» - подумал он и достал телефон.

- Прохожий я, да на перекрестке... упал мужчина, плохо ему...

- Скорую! Вызвали скорую? Вызвали ли скорую? – спрашивала Егора дама лет пятидесяти в черных сапожках и куртке. Прохожая. Остановилась рядом.

Егор посмотрел на нее и подумал, что светлые волосы женщины на удивление аккуратно уложены в такое ненастье. Наверное, она вышла из парикмахерской.

- Скорую вызвали. - ответил.

- Вы ведь видели, что я притормозил перед ним? Вы ведь видели, что я его не сбивал? – спрашивал Егора водитель машины, наверное, азербайджанец – седые волосы, большой нос, короткая кожаная куртка, усы и золотой зуб, который открывался в растерянной улыбке. «Наверное, ровесник дамы», - подумал Егор и ответил:

- Разумеется видел, что он сам упал, а Вы притормозили вовремя. Да, видел, конечно же, видел!

- Скорую... Вызвали ли скорую? - опять спрашивал кто-то из прохожих и затем кричал еще:

- Нет, не трогайте его, не трогайте!

- Я – врач. – отвечал молодой мужчина, склонившийся над беднягой, страдания которого постепенно ослабевали.

- Я – врач, - повторил мужчина. – У несчастного приступ эпилепсии. Нужно следить, чтобы он не перевернулся на спину... Скорую вызвали?

- Да, вызвали, - ответил Егор. – Вызвали.

И затем обратился к азербайджанцу.

- Вы не торопитесь?

- Куда же мне торопиться? Я здесь подожду когда скорая приедет, а то вдруг сомнения какие появятся...

- Хорошо, тогда Вы и проследите, чтобы он на спину не переворачивался, а мне поехать нужно, я спешу...

- Как поехать, а вдруг сомнения?

- Какие сомнения?

- Что сбил его я...

- Кого?

- Его! – водитель показал на лежавшего на дороге больного.

- Но ведь Вы его не сбивали! У него эпилепсия и нужно следить, чтобы он не перевернулся на спину. А если сомнения, то я буду свидетельствовать, что Вы его не сбивали, что он сам шел-шел и упал. Я это видел... Запишите мой телефон и, если что, звоните...

И Егор поспешил ко входу в городской сад, чтобы передать подруге, которая, он надеялся, из парка еще не вышла, снотворное, чтобы сегодня ночью она наконец уснула. Ветер усилился и опять пошел косою дождь. Мокро, зябко. Замерзли руки. Егор решил достать перчатки и стал искать их по карманам. И не нашел. В карманах перчаток не было. Он их потерял или в аптеке оставил.

Нужно вернуться. И он возвращается, проезжая мимо все еще лежавшего в утихающих судорогах больного и стоявшего с ним рядом азербайджанца, подложившего под голову бедолаге одеяло. И недалеко от них у обочины дороги Егор видит одну из своих черных кожаных перчаток. Вторая? А где же вторая? Наверное, не в аптеке, раз первая здесь... Где же тогда? Да, в аптеке ее нет. Ему там так и сказали:

- Нет, дорогой, - сказали ему в аптеке. - Перчаток здесь мы не находили. «Нужно выбросить одну-то перчатку..» - подумал, Егор, но не выбросил, а сел на велосипед и опять поехал в сад к подруге. Зазвонил телефон. Егор остановился. Слез с велосипеда и, прислонил его к стене дома, совсем рядом с перекрестком, на котором упал мужчина с авоськой. Он даже видел уже этот перекресток и видел, как азербайджанец садится в машину, разговаривая по телефону с Егором.

-Все в порядке, - говорил азербайджанец. – Скорая приехала... Да, они подтвердили, что приступ эпилепсии... Да я уезжаю с места. Все хорошо.

- Вы - большой молодец, - ответил ему Егор и поблагодарил почему-то. Опять зазвонил телефон. Опять Егор остановился.

- Я иду домой. Давай в другой раз, а то уже замерзла, гуляя в саду... – звонила подруга, у которой была бессонница. И раздраженно продолжала:

- Ничего страшного, попробую без лекарств уснуть...

- Так я ведь рядом уже, совсем рядом! Давай на выходе из парка на углу дома, в котором кафе, и встретимся!?

Встретились.

- Понимаешь, там на переходе человеку плохо стало... и мне пришлось... – начал было Егор и вспомнил, что ее подруге врачи рекомендовали как можно меньше говорить о болезнях и работе, потому что у нее стресс из-за работы, из-за стресса она не может уснуть... и болеет.

Мне врач сказал, что мне даже думать нельзя о работе и болезнях... – говорила подруга, решив, наверное, что Егор выдумал неуместную сейчас историю в свое оправдание.

- А ты как раз про все про это... – высказалась она и сразу:
- Пока, Егор, дорогой, мне уже давно пора домой....
- А я перчатку потерял, - зачем-то сказал ей Егор прощаясь.
- Перчатку потерял? Новые купишь...

- Магу-у-тны Бо-о-жа...

Послышалось пение. Пела женщина на малорусском диалекте, а может на белорусском языке. Красиво пела. Жалостливо. Совсем старенькая, в такой же старой черной юбке, в ватнике, поверх которого крест на крест был завязан коричневый шерстяной платок, покрывавший также голову старушки. На плечах военный полевой рюкзак... Она, полуслепая, проходила вдоль решетки сада:

- Магутны Божа... Ты ведаеш чаго людзі гібнуць... Ад кахання людзі гібнуць тожа...* -

Тянула песню старушка, ощупывая посохом перед собой дорогу и медленно шла вперед в стеганных, на войлочной подошве бурках. От ее проникновенной песни сжималось сердце.

- О чем это мы? – спросила подруга, посмотрев на Егора словно из далека.

«О чем это мы действительно?» – задумался Егор и потом: «Ах, да!»

- Лекарства, возьми лекарства, вот возьми...

*Могущественный Бог... Ты знаешь почему гибнут люди. От любви люди гибнут тоже (белорусский)

Стр 8

Они простились. На город ложились густые, вязкие сумерки и стало несколько грустно. Егор решил прокатиться по саду, отвлечься, крутя педали. Ветер все еще где-то в кронах деревьев находил листочки, срывал их и вместе с косым дождем проносил перед глазами, создавая такой вот изысканный в своей меланхолии вид... Крутя педали Егор согрелся и уже подъезжал к любимому деревянному мостку через быстрый ручей, который уносил сейчас на своих водах и капли косого дождя и последнюю листву деревьев.

По обе стороны моста, взявшись за его перила, выкрашенные в светло-серый цвет, стояли друг за дружкой в два ряда дамы. Они были в спортивных костюмах – шерстяных узких брюках и футболках на молниях, закрывавших горло. Костюмы напомнили 60-ые годы, но только для того времени они уж очень хорошо сидели на дамах и были праздничных цветов. Дамы же, на вид лет шестидесяти (а может и семидесяти), улыбались глазами и производили впечатление жизнерадостной компании, как будто с небес свалившейся в этот угрюмый пейзаж. У некоторых из них в руках были зонтики. Перед дамами, посередине моста, спиной к Егору стоял в пуховом черном пальто и в синей вязанной шапочке с оленями мужчина, наверное тренер и, скорее всего, ровесник женщин. Егор объехал тренера и катил уже по середине моста сквозь стройные ряды спортсменок, когда услышал за спиной шершавый, низкий голос:

- Приготовились!

Дамы вдоль перил, сложили зонтики, вытянули шейки и выпрямили спины.

- Начали! – скомандовал опять тренер и запел:

- Ста-а-рый клен, ста-а-рый клен, старый клен шумит листвою...

Спортсменки в праздничных костюмах по обе стороны от Егора привстали на цыпочки и взмахнули левыми ножками те, у кого перила моста были справа и правыми, те у кого перила моста были слева: вперед, назад и в сторону... вперед назад и в сторону... вперед, назад... Перила моста служили опорой физкультурницам, а зеркалом для них был ручей с осенними темными водами.

Егор, проехав через мост, выехал на дорожку, высыпанную гравием, а там, где дорожка уходила влево, он не успел свернуть. Так прямо и ехал дальше, уже по зелено-коричневой лужайке до тех пор пока колесико катиного велосипеда не воткнулось в размытую дождями землю и не завязло в ней. Тогда Егор остановился и, все еще не веря тому, что только что видел, обернулся.

- Сне-е-гопад, сне-е-гопад, снегопад давно прошел... – несло с моста.

«Так и есть, не привелось», - прошептал Егор, стряхивая капельки дождя с курточки-бушлата. Затем, решившись затянуть шнурки на ботинках, хотел было поставить ногу на багажник, как вдруг остановился и замер. На багажнике поверх черно-белых стягивавших его резинок лежала, как будто ее только что туда бросили, перчатка. Его вторая черная кожаная перчатка. Придерживая белый катин велосипед одной рукой, Егор оглянулся по сторонам и затем поднял глаза к небу, откуда из серой низкой тучи падал косой дождь.

«В «Последней Сказке Риты», - вспомнилось почему-то Егору, в самом ее конце, когда несчастный возлюбленный Риты после ее ухода в мир иной решает застрелиться от невыносимости потери, к нему поворачивает лицо Гагарин и улыбается... Точнее не сам Гагарин, а памятник ему, который просматривался из окна дома молодого мужчины. Этой улыбки никто другой кроме несчастного возлюбленного не видел. И он ни сошел с ума, и ему ни привиделось. Гагарин действительно улыбнулся. «Поскольку так хотела Рита, она желала, чтобы у ее возлюбленного оставалась надежда!» - вдруг понял Егор.